

Г. О. Мацевский
*кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин
Старооскольский филиал Воронежского государственного университета
г. Старый Оскол*

РОЛЬ ПРАВОСЛАВИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО КАЗАЧЕСТВА

В последнее время в России наблюдается повышенное внимание широкого круга учёных, а также общественных и политических деятелей к феномену политической культуры. Это связано с необходимостью осмысления произошедших трансформаций в сознании, интересах, нормах, установках и ценностях российских граждан за предшествующие полтора десятилетия. Кроме того, политическая культура, являясь составной частью общей культуры народа, определяет не только темпы и характер политических преобразований, исход политических процессов и развитие различных сфер общественно-политической жизни, но и жизнеспособность самой исторической системы.

В октябре 2006 года Общественной просветительской организацией «Русское слово» по инициативе Правления Союза писателей России был проведён выборочный опрос жителей г. Сарова Нижегородской области, посвященный проблемам духовно-нравственного, социального и экономического положения современной России [18]. Говоря о духовном состоянии общества, почти 50% отвечавших отметили «торжество безнравственности, которой никто не противостоит». Люди так характеризуют современное состояние русской культуры: «С русской культурой – действительно беда»; «Всё русское вытеснено на обочину жизни»; «Отечественная культура угасает»; «Насаждение западного образа

жизни, попытка изменить менталитет Русского народа – конец России». При этом отмечается, что «Дух космополитизма проник даже в отдалённую провинцию, веками сохранявшую русские начала». Таких взглядов придерживаются от 75% до 85% опрошенных. Более 25% опрошенных нынешнее состояние общества считают неприемлемым («Стояние в Вере никогда не было лёгким»). Среди предложений по духовному оздоровлению общества названа необходимость введение в средних школах курса «Основы православной культуры». Есть предложение об объявлении главных православных праздников общегосударственными [18].

В системе ценностей любого системного целого есть основная часть, являющаяся общей (пусть не всегда явно осознаваемой) для всех социальных слоев и групп, включающая в себя и «национальную идею». Система ценностей иерархична, что касается духовных и материальных, коллективистских и индивидуалистических аспектов. Она существует всегда как бы в двух измерениях – реальном и идеальном. Во втором случае речь идет о декларируемых идеалах, к которым наиболее ярко проявлено стремление. Таким образом, система ценностей выступает в качестве объединяющего, регулирующего и в то же время проективного начала в обществе, определяющего перспективы его развития, т.е. формирующего идеальный

«Образ мира», вступающий порой в конфликт с реальностью. На основе идеальной составляющей системы ценностей складываются и основные идеи, и сама идеология системного целого. Как считает С. С. Андреев, именно «в обеспечении целеполагающего поведения и состоит жизненный смысл и историческая необходимость возникновения и развития политических идей...». В свою очередь, «идея и поведение проявляют себя в политической жизни как единое целое...» [2, с. 10–22].

И. Ильин, рассматривая историко-культурное влияние православия на русскую традиционную культуру писал: «...Православие воспитывало в русском народе тот дух жертвенности, служения, терпения и верности, без которого Россия никогда не отстоялась бы от всех врагов и не построила бы своего земного жилища. Русские люди в течение всей истории учились строить Россию «целованием креста» и черпать нравственную силу в молитве... Православие вскормило в России чувство ответственности гражданина, чиновника и царя перед Богом...» [10, с. 308–309].

По мнению А. Тойнби, казачество всю свою многовековую историю было «пограничниками русского православия» [20, с. 140]. Его слова отчасти подтверждаются историческими источниками. Так, в повестях «Азовского осадного цикла» казаки называют себя защитниками дома Пречистой Богородицы [6].

В связи с этим представляется важным рассмотрение тезиса, предложенного Н. И. Бондарем, о том, что одной из главнейших идеологием возрождения современного казачества является заявление об «исторической и культурной преемственности поколений казачества вплоть до наших дней» [4, с. 10]. По мнению В. Е. Давидовича и А. П. Скорика, при рассмотрении

культурно-исторического пространства, заложившего основы «исторически традиционных для казаков принципов», следует выделять «триаду составляющих его элементов – воинскую службу, земледелие и самоуправление» [8, с. 236]. По всей видимости, правомерно эту триаду дополнить такими составляющими, как: отношение к власти, государству, особость и «*православность*», что, несомненно, наложило отпечаток на политическую культуру казачества. Как считает Н. В. Блинов, именно это «...являлось и фундаментом и скрепами казачьей общности, основой миропонимания и особого духовного склада. Утвердившиеся в казачестве идеи православия, монархизма и русского патриотизма не только не потеснили принесенных из глубины веков воззрений казачества, но они органически слились с ними на почве осознанного особого предназначения и воинского долга» [3, с. 9–10].

Культуры, мировоззрения, а значит и стереотипы мышления, понимания и поведения различаются тем, как они понимают происхождение мира, т.е. этнической картиной мира или национальными образами мира. При этом достаточно значимую роль играют национальные варианты религиозного чувства или национальные образы Бога. Так, например, в христианстве, как считает Г. Гачев, «догматические различия коррелятивны национальным: не случайно географическое распределение зон православия, католицизма, протестантизма и его разных течений, – тут созвучие с национальным Космосом и Психеей... В России Троица, хоть и введена Сергием Радонежским как национальное средоточие, всё ж для народного чувства слишком абстрактно-математична эта идея... И Богородица тут оттеснила в культе все прочие ипостаси христианского Божества: Бого-Матерь естественно сблизилась с «матерью сырой Землёй» и «Матерью Родиной», «Матерью Россией»... В католических странах на Юго-Западе роль Бога-Сына возвышена в силу принципа *filioque* («и из Сына» исходит Св. Дух). А в восточном христианстве православия – только из Отца исходит Св. Дух. Это очень много значит: Отец, старое, традиция - сильнее нового, молодого. Ведь что есть возвышение Сына на Западе? Это сопрягается с культом нового, молодого, динамического в западной цивилизации... Это соответствует Эдипову комплексу, что есть мотор Западной цивилизации...» [21, с. 21].

У казачества субэтнический вариант религиозного чувства средоточен тоже не в Троице, но и не только в Богоматери, а и в её Сыне. Не в Георгии Победоносце, хотя он имеет достаточно глубокую мифологическую традицию на Руси – Егорий Хоробрый земледелец и воин, и не в Архистратиге Михаиле – «предводителе небесного воинства», а в образе Спаса Нерукотворного, Спасителя. Сын Божий воспринимается на чувственно-интуитивном уровне не столько как один из персонажей Троицы, сколько как именно Спаситель, Иисус Христос – «Логос», «вечное Ипостасийное Слово Божие, от вечности бывшее со Отцом, и воплотившееся потом для нас человеков и для нашего спасения» [22, с. 2077]. При этом соотношение образов Отца и Сына не Западное, а Восточное, точнее, русско-

российское, и также предполагает главенство традиции, преемственности поколений и патриархальность культуры. Преимущественно православно-русской является и идея трансцендентной, иррациональной тайны, воплощенной в нерукотворном образе Спаса.

В этой связи вполне уместно рассматривать этимологическое значение понятия «казак» с точки зрения семасиологического (от греч. *semasia* – значение и *logos* – учение) анализа лингвокультурных универсалий двух составляющих его смысловых морфем «каз» и «зак». Морфема «каз» лежит в основе таких понятий как «указ», «наказ», «приказ», и др., производных от слова «казать». «Казать», ст.-слав. *казати, кажжж* «сказать, показать», польск. *kazac, kazq* «читать проповеди, приказывать», др.-инд. *kacate* «появляется, блистает, светит», нов.-перс. *agah* «сведущий», авест. *casaitē* «учит, наставляет» и т.д. Таким образом, семантика морфемы «каз» может предполагать некое Слово, данной Свыше, как Откровение, делающее того, кому оно дано *сведуцим, учителем, наставником* (не случайно, видимо, у мусульман «хаджж» означает паломничество, приобщение к святости). В свою очередь морфема «зак» является смыслообразующей для слова «Закон» (болг., сербохорв. «обычай, вера»). При этом «Закон» следует писать именно с большой буквы, вмещая в него и Закон естественный, который «полагается естественному произволению – совести, которую дал Бог для разума, как бы кормчего для корабля, как бы всадника для коня...» [23, с. 726], и Закон писанный, данный Богом Моисею в виде ветхого закона, углубленный и расширенный Иисусом Христом и ставший новым заветом, и Закон Божий как «выражение Божественной воли Высшего Разума, руководящего миром...» [23, с. 726]. Таким образом, *казак тот, кто знает, проповедует, утверждает Слово Божие на Земле*, для кого образ Спасителя (как и у дружин Дмитрия Донского на Куликовом поле) олицетворяет реальность необходимости Спасения, защиты Родины-Матери (Богородицы) – Руси-России.

Казак как носитель Высшего Закона – носитель порядка, идеи внутренней и внешней целостности государства-господарства (Господнего дара соборной жизни). Потому в различные исторические периоды казачество не только защищало внешние границы государства, расширяло его пределы, но и выступало в качестве внутренней полицейской силы, когда была угроза внутреннему единству и стабильности государства. При этом архетипическое чувство и понимание Закона для казаков имело ярко выраженный характер необходимости восстановления справедливости как воли Божьей.

С точки зрения А. А. Ивина, особенностями «коллективистического мышления» социальных структур, к которым можно отнести и казачество, в том числе являются: спекулятивная общая ориентация, догматизм, авторитарность, традиционализм и консерватизм, иерархизм, универсализм, упрощенная манера мотивации. Однако выделение данных особенностей, скорее всего, не является бесспорным и вытекает из стремления автора в какой-то степени идеализировать «индивидуализм, противостоящий

коллективизму» [9, с. 93–94]. В то же время правомерность рассмотрения коллективистского типа мышления и подход к его анализу можно считать в какой-то степени обоснованными. То, что А. А. Ивин называет спекулятивной общей ориентацией (когда «теоретическому миру отдается явный приоритет над действительным миром»), правильнее было бы назвать идеализацией *образов будущего*, имеющих роль не только приоритетного, но и устойчивого *проективного* начала в этом стиле мышления. Идеализация будущего не означает упрощенность, абстрактность и схематизированность мышления, втискивающего богатую и постоянно меняющуюся реальность в прокрустово ложе догм и доктрин. Будущий Образ мира для казака, как и для каждого русского человека, всегда выше, светлей, духовней и многообразней реальности и неразрывно связан со стремлением «жить по Христу», «по совести» [5, с. 184].

Идеализация образа будущего связана с почти *генетической религиозностью мышления русского человека*, проявлявшейся даже в эпоху всеобщего атеизма «верой в светлое коммунистическое будущее». А. Ивин в религиозности видит лишь «тоску» по идеологии, а в приверженности к христианским идеям «догматизм коллективистического мышления».

Религиозность, православность характера мышления казака, по мнению В. И. Корнеева, целью жизни ставит не увод человека от реальности, а поиск идеального мироустройства, строительство «правильного образа жизни» [13, с. 67]. Православная психология закреплена в «геноме культуры» (В. И. Корнеев), и потому утверждение А. П. Кожанова о том, что «возврат к прежнему «казачеству» немислим» и «возрожденное казачество предстанет политико-психологической общностью людей с «новым» менталитетом» [12, с. 12], скорее отражает кризисность характера научного типа мышления, нежели реальное положение дел.

По мнению авторов работы «История казачества Азиатской России», «...отличительной чертой российского казачества является возрождение его православных традиций. По рекомендации Союза казачьих войск России в духовных семинариях обучаются казаки, которые должны стать военными священниками в будущих казачьих частях. Вновь отмечают войсковые православные праздники. Оренбургские и уральские казаки празднуют дни святых покровителей своих войск...» [11, с. 210].

Как считает А. П. Андреев, именно традиционная православность, характерная для всей истории казачества, стала «важнейшим фактором его сплочения» в новых исторических условиях [1, с. 252]. По мнению казаков, возрождение казачества и государства Российского должно идти в логике «возвращения исторической памяти; возрождения культуры и возвращения к духовным истокам Русской Православной церкви...» [19, л. 70–76]. В «Декларации казачества» было напрямую заявлено: «Немыслимо и невозможно возрождение казачества без воцерковления и вне лона Святой церкви» [17].

Православный характер мышления казаков наложил отпечаток и на развитие их отношений с государством и на само отношение к власти.

Российская правовая и политическая культура, считает А. М. Величко, строится на «том понимании человеком своей роли, значение которой лежит не в бранных формах государственной власти, а, напротив, в том нравственном понимании самоотдачи, наличия не принимаемых земным разумом задач и цели человеческой жизни, которые даются только верой» [5, с. 184]. Поэтому говорить о «рабской покорности» власти, якобы характерной для русского самосознания, и «бунтарстве» как характерной черте казачьего самосознания есть следование логике мышления «западника», строящейся на однозначном противопоставлении интересов личности и общества.

В этой связи интересным представляется анализ заявления общего сбора Екатеринодарского отдела Всекубанского казачьего войска о геноциде казачества от 11 марта 1993 г., озаглавленного «Наказ атаману Екатеринодарского отдела (без оглашения на круге)». Из содержания документа видно, что казаки достаточно однозначно противопоставляют понятия «Они», т.е. центральная власть в лице своего представителя - Главы Краснодарской краевой администрации, и «Мы» – «патриоты Кубани, исконные ее жители» [7, л. 171]. При этом указывается, что «следует помнить, что все так называемые демократы - разрушители Отечества» [7, л. 171]. Тем не менее, казаки не противопоставляют себя государству, но дистанцируются от «разрушителей Отечества». Более того, они заявляют, что «в целях обеспечения процветания тружеников» страны, они «должны сменить у власти пришлых иноплеменных руководителей» [7, л. 171]. Что же заставляет казаков стремиться к власти? Ответ вытекает из лозунгов, декларируемых в этом же документе: «Только казаки – защитники интересов славян» и «Казачья власть в кратчайший срок обуздает преступность... и обеспечит процветание труженикам, а не жуликам» [7, л. 171]. Таким образом, стремление казаков к власти, скорее всего, не самоцель, а православное, «нравственное понимание самоотдачи» в деле служения Родине. В то же время в заявлениях, что «только казаки» способны навести порядок в стране, проявляется *особость* казачьего мышления.

Если для большинства населения страны, по данным, приводимым в аналитических докладах Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП), характерно было иждивенческое отношение к государству, ожидание от государства, что именно оно возьмет на себя «роль «ведущего» в общенациональном диалоге», оно сделает все, чтобы улучшить жизнь и навести порядок в стране [16, с. 92], то активная позиция казачества проявлялась порой в осознании своей особой роли в «бережении Великой России от великих потрясений» [15, л. 40].

Возрождающееся казачество актуализировало те традиционные исторические черты своей политической культуры, которые в массовом сознании современных россиян оказались не востребованными модернизационными процессами. Такие характерные для общероссийской политической культуры черты, как общинность, коллективизм, соборность, патриотизм, «православность» и т.д., в преломлении современной казачьей

субкультуры зачастую приобретали большой радикализм, проявлялись в большей активности их утверждения и отстаивания. Особенностью целеполагания часто становилась тоже традиция: служение Отечеству, защита его, стремление к наведению и поддержанию порядка. В связи с этим затребованность в политической жизни была не самоцелью, само понимание политического строилось на доминанте государственного служения, на традиционном понимании государства как «положительно-правовой формы Родины, где истинным содержанием политики является отечество» (И. Ильин). При этом культурная преемственность ценностей Православия являлась во многом определяющей политическую жизнь современного российского казачества [14] и сыграло свою позитивную роль в его возрождении.

Литература

1. Андреев А. П. Казачье движение в России: основные тенденции и противоречия современного развития / А. П. Андреев // Проблемы истории казачества: сборник научных трудов. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1996.
2. Андреев С. С. Политическое сознание и политическое поведение / С. С. Андреев // Социально-политический журнал. – 1992. – № 8.
3. Блинов Н. И. Казачество: историческая функция и следствие / Н. И. Блинов // Возрождение казачества (история, современность, перспективы): Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V международной (всероссийской) научной конференции. – Ростов-н/Дону: НМЦ «Логос». 1995.
4. Бондарь Н. И. О степени соотнесенности исторического и современного типов казачества / Н. И. Бондарь // Возрождение казачества (история, современность, перспективы): Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V международной (всероссийской) научной конференции. – Ростов-н/Дону: НМЦ «Логос», 1995.
5. Величко А. М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур / А. М. Величко. – СПб.: Изд-во Юрич. института, 1999.
6. Воинские повести Древней Руси. – М.-Л, 1949.
7. ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 28. Л.171.
8. Давидович В. Е. Исторический социотип донской казачьей субкультуры / В. Е. Давидович, А. П. Скорик // Научный альманах «Цивилизации и культуры», Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. – М.: Изд-во Института востоковедения, 1996.
9. Ивин А. А. Введение в философию истории / А. А. Ивин. – М.: ВЛАДОС, 1997.
10. Ильин И. А. Кто мы? О революции. О революционном кризисе наших дней / И. А. Ильин // Собрание сочинений. – М., 2001.
11. История казачества Азиатской России. Т.3. XX в. – Екатеринбург: УрОРАН, 1995.
12. Кожанов А.П. О возрождении казачества / А. П. Кожанов // Возрождение казачества (история, современность, перспективы): Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V международной (всероссийской) научной конференции. – Ростов-н/Дону: НМЦ «Логос», 1995.
13. Корнеев В. И. Особенности российской культуры (с позиции существования Бога) // Русская цивилизация / Сост. Н. Н. Моисеев. – М.: Контакт РЛ, 2000.
14. Мациевский Г. О. Политическая жизнь современного российского казачества (конец 1980-х – 1990-е гг.): монография Г. О. Мациевский. – Армавир: Информационно-издательский центр АГПУ, 2006.
15. Обращение Совета стариков ВКВ к Кубанскому казачеству. Май, 1996 г. // Текущий архив ГРКО. Папка «Обращения и декларации». Л. 40.

16. Осенний кризис 1998 года: российское общество до и после (Аналитические доклады РНИСиНП). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); РНИСиНП, 1998.
17. Русский вестник. – 1993. – № 8–10.
18. Русское будущее. Аналитическая записка о результатах выборочного опроса жителей города Сарова Нижегородской области в октябре 2006 года.
19. Текущий архив ГРКО. Папка «Документы». Л. 70–76.
20. Тойнби А. Дж. Постижение истории / А. Тойноби. – М., 1991.
21. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций Г. Д. Гачев. – М.: Изд. центр «Академия», 1998. – 432 с.
22. Полный православный богословский словарь. Т. II / Репринтное воспроизведение. – СПб.: Изд-во П. П. Сойкина. – М., 1992.
23. Букварь. Наука, философия, религия. В 2 кн. Книга 2 / ред. коллегия архимандрит Никон (Иванов), протоиерей Николай (Лихоманов). – М., 2001.